

5 А

Л 13

Р III 472140

П. Л. Лавровъ.

**Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдо-
ваніяхъ Вологодской губерніи.**

Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. А. Золотарева.

Изданіе Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края.

ВОЛОГДА.

Типографія П. А. Цвѣтова.

1915.

П. Л. Лавровъ.

**Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдо-
ваніяхъ Вологодской губерніи.**

Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. А. Золотарева.

Изданіе Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края.

ВОЛОГДА.

Типографія П. А. Цвѣтова.

1915.

Къ статью П. Л. Лаврова.

Печатаемая ниже статья Петра Лавровича Лаврова, несмотря на то, что она написана почти 50 лѣтъ тому назадъ, представляетъ не только историческій интересъ. Несмотря на устарѣлость многихъ положеній статьи, задача изслѣдованія населенія сѣверной Россіи, выдвинутая авторомъ, и до сихъ поръ является насущной очередной задачей. Въ данномъ отношеніи приходится признать, что долгій промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ момента появленія статьи и ясной постановки задачи П. Л. Лавровымъ, во многомъ совершенно не измѣнилъ положенія. Хотя съ того времени вышли новыя работы по антропологии Россіи, вопросъ объ антропологическомъ составѣ населенія остается далеко не рѣшеннымъ. И не только относительно небольшихъ народностей мы мало знаемъ, славянское населеніе Россіи, въ частности великорусское населеніе, очень плохо изучено. Печальное положеніе антропологии какъ науки въ Россіи, отсутствіе самостоятельной каѳедры при нашихъ университетахъ, гдѣ антропология является лишь терпимымъ придаткомъ къ географіи, въ значительной мѣрѣ объясняютъ то, что вопросы, ясно и опредѣленно поставленные полстолѣтія назадъ, не нашли разрѣшенія, и мы до сихъ поръ не имѣемъ общепринятой научной характеристики даже великорусскаго населенія. Если у насъ были попытки дать подобную характеристику въ видѣ работъ В. В. Воробьева, Н. Ю. Зографа и Е. М. Чепурковскаго, то онѣ взаимно противорѣчивы, недостаточно обоснованы, и не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. У насъ еще нѣтъ достаточнаго количества матеріала, такъ какъ громадныя пространства Россіи совершенно не изслѣдованы въ антропологическомъ отношеніи.

Остановливаясь на Вологодской губ., о которой идетъ рѣчь въ статьѣ П. Л. Лаврова, и теперь можно сказать, что данныхъ о населеніи ея очень мало. Специально антропологическихъ работъ нѣтъ совершенно, лишь прошлымъ лѣтомъ были произведены антропологическія изслѣдованія въ нѣсколькихъ пунктахъ Вологодской губ. по порученію И. Р. Геогр. Общества. Нѣкоторыя данныя встрѣчаются въ общихъ работахъ. Между тѣмъ, Вологодская губ., какъ справедливо указываетъ авторъ статьи, несомнѣнно очень интересна въ данномъ отношеніи...

46 лѣтъ прошло со времени появленія „случайныхъ замѣтокъ“ и пожеланія Петра Лавровича Лаврова о томъ, чтобы онѣ „обратили на себя вниманіе образованныхъ читателей Вологодской губ. и послужили поводомъ

къ собиранію матеріаловъ, важныхъ какъ для Россіи, такъ и для науки вообще“.

„Случайныя замѣтки“ были забыты. Не безъ труда удалось П. Витязеву достать самый номеръ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ и то въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Но можно быть вполнѣ увѣренными, что молодое Вологодское Общество изученія Сѣвернаго Края, явившееся какъ *результатъ осознанной потребности самою населенія познать свой край*, не только обратитъ вниманіе вологжанъ на статью, а и выполнить до конца пожеланіе П. Лаврова, приступивъ непосредственно къ работѣ по изслѣдованію населенія сѣвернаго края. Теперь это сдѣлать, при содѣйствіи „Русск. Антропологическаго Общества при Петроградскомъ Университетѣ“ и „Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, въ лицѣ Комиссіи по составленію этнографическихкихъ картъ Россіи, несравненно легче, чѣмъ во время П. Л. Лаврова. Появленіе же его статьи въ печати въ настоящее время болѣе чѣмъ своевременно и ее можно только привѣтствовать.

Д. Золотаревъ.

Къ вопросу объ антропологическѣхъ изслѣдованіяхъ Вологодской губерніи.

(Письмо въ редакцію «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1868 г. № 43).

Губернскія Вѣдомости составляютъ единственный органъ для интересовъ даннаго края въ нашемъ отечествѣ, слѣдовательно совершенно естественно обратиться къ ихъ редакціи, когда дѣло идетъ о какомъ либо вопросѣ, который касается этого края и можетъ быть разработанъ лишь тамъ.

Поэтому я позволяю себѣ утруждать васъ этимъ письмомъ, прося помѣстить его въ изданіи, вами редактируемомъ, если программа этого изданія тому не препятствуетъ, чего я не думаю, такъ какъ дѣло идетъ о вопросѣ чисто научномъ.

Антропология—наука молодая въ Европѣ, но она уже привлекла къ своей разработкѣ значительное число силъ, и въ ея области совершается не мало замѣчательныхъ работъ. У насъ, въ Россіи, еще антропологовъ не особенно много, хотя одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ антропологовъ Европы, г. фонъ-Бэръ,—подданный русской Имперіи. Между тѣмъ директоръ антропологическаго отдѣленія Общества Любителей Естествознанія, открывая это отдѣленіе въ 1864 г., могъ справедливо замѣтить о нашемъ отечествѣ: „Ни одинъ край не имѣетъ столько богатствъ для изслѣдованій по занимающей насъ наукѣ, какъ громадная Россія“. Многіе вопросы какъ общенаучные, такъ и относящіеся спеціально къ древнѣйшей исторіи нашего отечества, могутъ быть разрѣшены лишь путемъ рациональныхъ изслѣдованій, производимыхъ на почвѣ нашего отечества и потому весьма желательно, чтобы матеріалы по этимъ вопросамъ собирались въ возможно большемъ количествѣ и возможно тщательнѣе въ мѣстностяхъ тому благоприятствующихъ. Мнѣ кажется, что Вологодская губернія представляетъ именно одну изъ подобныхъ мѣстностей и что антропологическій матеріалъ, ею доставленный, можетъ послужить основой для рѣшенія, хотя приблизительно, многихъ вопросовъ, усложненныхъ въ другихъ мѣстностяхъ посторонними обстоятельствами. Остановлюсь на одномъ изъ подобныхъ вопросовъ.

Одна изъ важнѣйшихъ этнологическихъ задачъ заключается въ опредѣленіи для данной мѣстности происхожденія ея населенія: есть ли одно чистое потомство опредѣленной расы, или смѣшеніе нѣсколькихъ расъ? въ какой степени оно сохранило особенности первобытной расы, если оно чисто? въ какой степени произошло смѣшеніе расъ, если онѣ смѣшались? Въ большей части случаевъ рѣшеніе этой задачи крайне затруднительно,

и выходитъ гадательно потому, что здѣсь, какъ и въ большей части антропологическихъ вопросовъ, необходимо для правильнаго рѣшенія имѣть достаточный матеріалъ изъ двухъ совершенно различныхъ областей науки: изъ естествознанія и изъ исторіи. Если недостаетъ того или другого, то рѣшеніе можетъ быть названо научнымъ лишь въ весьма малой степени. Уясню мою мысль примѣрами.

Кто были геродотовы скиѣы, жившіе въ южной Россіи? Г. Гильфердингъ утверждаетъ („Вѣстн. Европ.“ 1868 г. Іюль, 236 и слѣд.), что это были арійцы, мнѣніе высказанное не разъ, между прочимъ Мюллеромъ и Цейссомъ на основаніи данныхъ языкознанія. Г. Эйхвальдъ считаетъ ихъ чудью или финнами („Древности“, 1867, 107 и слѣд) и это предположеніе было высказано Раскомъ и Шафарикомъ. Большинство писателей считаетъ скиѣовъ народомъ монгольскаго племени. Это послѣднее мнѣніе опирается на нѣкоторыя данныя изъ естествознанія; именно на описаніе скиѣовъ Гиппократомъ и на сравненіе скиѣскихъ череповъ г. фонъ-Бэромъ съ башкирскими и древне-сибирскими. Но здѣсь бѣдность анатомическаго матеріала дѣлаетъ окончательное рѣшеніе вопроса почти невозможнымъ въ наше время. Вопросъ могъ бы быть рѣшенъ, если бы изъ сравненія анатомическаго строенія арійскихъ племенъ, несмѣшивавшихся съ племенами не арійскими, и изъ сравненія измѣненій, происшедшихъ въ анатомическомъ строеніи чистыхъ племенъ подъ вліяніемъ культуры, можно было съ нѣкоторою вѣроятностью заключить о томъ, каковъ былъ анатомическій типъ арійцевъ низшей цивилизаціи временъ Геродота. Имѣя этотъ критерій для сравненія съ одной стороны, и типъ монгольской расы— съ другой, при достаточномъ матеріалѣ, доставленномъ раскопками скиѣскихъ племенъ, можно будетъ заключить съ какою либо вѣроятностью о томъ, кто были скиѣы. До тѣхъ же поръ матеріалъ со стороны естествознанія слишкомъ малъ сравнительно съ матеріаломъ со стороны исторіи, чтобы анатомическій вопросъ былъ рѣшенъ.

(Несмотря на то, что антропологическій типъ скиѣовъ до сихъ поръ не установленъ благодаря недостатку матеріала, можно сказать, что съ антропологической точки зрѣнія совершенно нѣтъ основанія теперь говорить о сходствѣ скиѣовъ съ башкирами и считать скиѣовъ народомъ монгольскаго племени. По мнѣнію историковъ, геродотовы скиѣы не представляютъ изъ себя какую-либо опредѣленную этническую группу, а являются смѣсью разнообразныхъ племенъ и народовъ. Что же касается царственныхъ скиѣовъ, то они считаются арійцами. Ихъ сопоставляютъ съ осетинами. Д. З.).

Какой этнической составъ великорусскаго племени, или въ частности жителей Московской губерніи? Этотъ вопросъ, имѣющій уже несравненно болѣе живой интересъ и между тѣмъ столь же трудно разрѣшимый, но по противоположной причинѣ. Стоитъ прочесть статьи г. Бѣляева („О великорусскомъ племени“ въ „Извѣст. антропол. отдѣл.“ 1865, I, 32 и слѣд.),

Кавелина („Мысли и замѣтки о русской исторіи“ въ „Вѣстн. Евр.“ 1866, II, 337 и слѣд.), Ешевскаго („Русская колонизація сѣверо-восточнаго края“ тамъ же, I, 211 и слѣд.), Бестужева-Рюмина („О колонизаціи великорусскаго племени“ въ „Журн. Мин. Нар. Прос.“ 1867, № 6, 776 и слѣд.), чтобы видѣть, что историческій матеріаль въ этомъ случаѣ крайне бѣденъ и ограничивается тѣмъ, что мѣстность, обитаемая нынѣ великорусскимъ племенемъ, была прежде занята инородцами финскаго, тюркскаго, монгольскаго происхожденія и что великорусское племя съ его особенностями въ этихъ краяхъ образовалось въ историческое время, путемъ колонизаціи, съ береговъ Ильменя и Днѣпра, при чемъ иные писатели допускаютъ еще примѣсь и скандинавскаго элемента. Но здѣсь представляются два предположенія: славянскіе колонисты въ *небольшомъ* количествѣ, но имѣвшие преобладающее культурное вліяніе на древнихъ туземцевъ, слѣдовательно населеніе *этнически* инородческое, принявшее славянскую культуру и языкъ; или славянскіе колонисты въ *большомъ* числѣ, поглощающіе своею численностью инородцевъ, которые исчезаютъ подъ напоромъ арійскаго племени, заселяющаго край и дѣлающаго его славянскимъ, какъ англосаксонская раса вытѣснила краснокожихъ Сѣверной Америки, и дала населеніе арійскаго племени; слѣдовательно въ этомъ случаѣ населеніе и *культурно* и *этнически* славянское. Прибавимъ, что въ послѣднемъ случаѣ еще рождается вопросъ о степени этническаго участія въ великорусскомъ населеніи колонизаціи съ сѣверо-запада и съ юга. Эти вопросы на основаніи историческаго матеріала можно рѣшить только голословно, съ болѣе или менѣе субъективной точки зрѣнія. Они такъ и рѣшаются. Г. Духинскій и его послѣдователи требуютъ исключенія великорусскаго племени изъ народовъ арійскаго происхожденія, на основаніи того, что великоруссы произошли въ историческое время изъ обрусѣлыхъ будто бы туземцевъ. Г. Бѣляевъ объявляетъ великорусское племя „чистымъ“; въ этническомъ же смыслѣ «чистое» племя противопоставляется смѣшанному, а онъ самъ только что говорилъ о смѣси племенъ, давшихъ начало великорусскому народу. Другіе рѣшительно утверждаютъ, что славянская колонизація въ этомъ случаѣ этнически поглотила или вытѣснила туземцевъ. Но возможность историческая почти одинакова въ обоихъ случаяхъ, такъ какъ аналогическія явленія есть для того и для другого. Можно было надѣяться, что естествознаніе въ этомъ случаѣ явится на помощь для рѣшенія антропологическаго вопроса. Матеріаль, имъ доставляемый, дѣйствительно великъ, такъ какъ живое племя можетъ составить предметъ самыхъ тщательныхъ и обширныхъ изслѣдованій, а отъ него, путемъ аналогіи, переходя къ анатомическому матеріалу раскопокъ, можно придти къ заключеніямъ относительно періодовъ минувшихъ. Дѣйствительно, были попытки разрѣшить, хотя частью, вопросъ о составѣ великорусскаго племени и этимъ путемъ. Такъ г. Богдановъ пришелъ къ заключенію („Курганное племя Московской губерніи“ 1865 г. и „Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московской губ.“ 1867 г.), что племя, остатки котораго находятъ

въ курганахъ, не принадлежало къ финнамъ, совершенно согласно съ задачею, которую ставитъ г. ф.-Бэръ сравнительной краниологіи: показывать не то, какому племени *принадлежитъ* черепъ, но то, какому онъ не принадлежитъ. Тѣмъ не менѣ нельзя сказать, что бы и этотъ скромный выводъ былъ наученъ, какъ считаетъ его г. Богдановъ, и возраженія г. Котляревскаго („Древности“ 1867, 170 и слѣд.) въ этомъ случаѣ совершенно основательны. Онъ совершенно правъ, когда соглашается со словами г. ф.-Бэра, что „нельзя еще заключать о происхожденіи по однимъ формамъ череповъ“, что „надо пока отодвинуть на задній планъ исторію распространенія человѣческаго рода“ и что „сравнительная антропологія (этнологія) подобно всякой другой наукѣ, основанной на наблюденіи, *должна начать съ изслѣдованія частныхъ*, дабы выводить изъ нихъ *впослѣдствіи*—общіе результаты“. Здѣсь обширность современнаго матеріала, доступнаго естествоиспытателямъ, остается бесполезною по недостатку историческихъ данныхъ, или, точнѣ говоря, ~~по~~ излишней сложности вопроса.

Едва ли въ этомъ случаѣ научное изслѣдованіе не принуждено идти тѣмъ же путемъ, которымъ оно достигало лучшихъ своихъ результатовъ и въ другихъ областяхъ знанія: оно должно прежде всего приступить къ рѣшенію частнаго вопроса при упрощенныхъ условіяхъ, а потомъ уже, на основаніи рѣшеній, полученныхъ въ этомъ простѣйшемъ случаѣ, перейти къ случаю болѣе сложному. Г. Котляревскій, въ приведенной выше рецензій указываетъ на неточность краниологическихъ опредѣленій племенныхъ типовъ, происходящую отъ того, что «черепъ подъ вліяніемъ природы, перемѣнъ образа жизни, *измѣняется*».

(Мысли объ измѣненіи череповъ подъ вліяніемъ природы и перемѣнъ образа жизни, о чемъ говоритъ г. Котляревскій, можно считать слишкомъ преувеличеннымъ. На самомъ дѣлѣ антропологическій типъ достаточно устойчивъ, тѣмъ болѣе для сравнительно небольшой періода времени.

Д. З.).

Въ послѣдней своей диссертациі, имѣя въ виду собственно археологію, онъ говоритъ („О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“ 1868, 159): „Не трудно было бы дать этнографическія помѣты могиламъ страны, которая испоконъ вѣка была населена цѣльною этнологическою особью, не подверженной ни значительной помѣси расъ, ни перерожденію, ни тревогамъ кочевой, непосѣдной жизни и враждебному насильничеству; но гдѣ найти эту, для науки блаженную, землю?“. Очевидно вопросъ бы упростился, если бы приступить къ нему въ странѣ, населенной племенемъ, чистота котораго едва ли можетъ быть заподозрена въ тотъ періодъ, когда человечество существуетъ въ формѣ отдѣльныхъ расъ; въ племени, не испытавшемъ значительныхъ культурныхъ измѣненій и которое, если имѣло обширнѣйшее распространеніе въ древнее время, то тѣмъ не менѣ, въ мѣстностяхъ, природа которыхъ была не весьма различна. Доведя до минимума

въ данномъ случаѣ отклоняющее вліяніе природы, культуры и смѣшенія племень, мы можемъ уже съ большею вѣроятностью сказать, что современный анатомическій типъ разсматриваемаго нами племени долженъ былъ остаться почти тѣмъ же, чѣмъ былъ въ глубокой древности, и, при достаточномъ современномъ матеріалѣ, получить прочную данную и для историческихъ выводовъ. Если для другой мѣстности мы имѣемъ историческую вѣроятность, что племя, нами разсмотрѣнное и анатомически опредѣленное, смѣшалось лишь съ другимъ, исторически извѣстнымъ племенемъ, то эта вторая мѣстность можетъ намъ дать новые выводы, которые могутъ быть признаны основательными. Именно анатомическій матеріалъ, доставляемый второю мѣстностью, можетъ, по сравненію съ анатомическимъ матеріаломъ первой мѣстности, указать намъ, какъ измѣненіе перваго анатомическаго типа подъ вліяніемъ второго, такъ отличіе перваго отъ второго тамъ, гдѣ смѣшеніе не произошло и, наконецъ, однообразіе или разнообразіе типовъ второго племени. Конечно, послѣдній вопросъ, какъ болѣе сложный, даетъ и результаты, требующіе болѣе строгой провѣрки, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ этимъ путемъ получить довольно точное рѣшеніе. Рѣшивъ же его, можно будетъ приступить и къ сложнѣйшимъ вопросамъ относительно смѣшанныхъ населеній.

Отъ этихъ общихъ положеній переходу къ тому, какого рода удобства для рѣшенія русскихъ и общеевропейскихъ этнологическихъ вопросовъ представляетъ Вологодская губернія.

Въ ней безспорно, со времени обособленія расъ, обитали племена финскія. Должно ли отождествить зырянъ съ заволочскою чудью или съ печорою, или ни съ тѣмъ, ни съ другимъ племенемъ, но во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣній, что древнее туземное населеніе Вологодской губерніи состояло изъ финновъ. Въ сѣверной части Вологодской губерніи населеніе и осталось финскимъ. Относительно восточной части есть предположеніе, но весьма сомнительное, о примѣси монгольскихъ племень. Въ южной же части произошелъ болѣе или менѣе значительный наплывъ колонистовъ новгородскихъ (безспорно славянъ) и колонистовъ изъ суздальско-московского края (которыхъ можно считать, пока, смѣшаннымъ племенемъ). Въ какомъ количествѣ происходила колонизація съ юга, сказать весьма трудно. Было-ли обрусѣніе этническимъ или только культурнымъ, то же съ научною достовѣрностью сказать нельзя. Но безспорно, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою, во весь періодъ обособленія племень двѣ расы: финновъ и славянъ.

(Авторъ статьи, говоря о расахъ, какъ антропологическихъ группахъ, совершенно напрасно вводитъ понятія лингвистическія — финны и славяне, антропологическій типъ которыхъ отчасти не вполне точно установленъ, отчасти разнороденъ. Такія финскія народности, какъ карелы и лопари или остяки и мордва, антропологически совершенно различны, точно также какъ не сходны славяне — болары и сербы.

Въ зырянахъ имѣемъ чистыхъ финновъ (хотя можетъ быть смѣшеніе различныхъ финскихъ племень), въ новгородскихъ поселеніяхъ—чистыхъ славянъ, въ суздальско-московскихъ—смѣсь сомнительнаго состава по количеству, но по составнымъ частямъ опять—таки съ весьма большою вѣроятностью *только* смѣсь славянъ съ финнами. Историческія данныя въ этомъ случаѣ доставляютъ выводы, имѣющіе право служить прочнымъ основаніемъ.

Относительно культуры тоже нельзя допустить весьма значительныхъ измѣненій въ финскихъ племенахъ, обитавшихъ эти края. Полубаснословные рассказы о древней Перми—Біарміи разсыпаются въ прахъ предъ строгою критикою, оставляя для пермяковъ (можетъ быть предковъ зырянь) скромную роль посредниковъ въ торговлѣ продуктами культуры, принадлежавшей инымъ народамъ. Уже по самому климату сѣверныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи нельзя допустить въ немъ земледѣльческихъ занятій иначе, какъ въ видѣ подспорья къ звѣроловству; звѣроловство было и осталось основнымъ занятіемъ финскихъ населеній этого края по естественной необходимости. Слѣдовательно и второй элементъ, который могъ бы отклонить анатомическій типъ финновъ—туземцевъ отъ его первобытной формы, могъ выказать здѣсь крайне малое вліяніе. Исторія и климатологія доставляютъ достаточно прочныхъ данныхъ и для этого положенія.

Природа странъ, занятыхъ издавна финскими племенами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, также не представляетъ значительнаго разнообразія. Изъ нихъ, по естественнымъ причинамъ не могло произойти ни горцевъ, ни моряковъ,—хищниковъ: болотная и лѣсная равнина, къ югу болѣе и болѣе дающая возможность развиться земледѣлію, къ сѣверу болѣе и болѣе ограничивающая промышленность населенія охотою—вотъ общая характеристика мѣстности, по которой раскинулись разнообразныя отрасли финской расы. Въ болѣе сѣверной полосѣ, гдѣ природа обуславливала кочующую жизнь владѣльцевъ оленьихъ стадъ, тамъ и племя людей обособилось анатомически, но условія жизни финновъ звѣролововъ и земледѣльцевъ были довольно единообразны. Такъ что и отклоненія типа финскихъ туземцевъ, зависящія отъ вліянія природы, не могутъ считаться весьма значительными.

Мало того, большинство славянскихъ поселенцевъ среди финскихъ туземцевъ вышло изъ равнинъ средней Россіи, слѣдовательно развилось подъ вліяніями природы довольно единообразными и при томъ не весьма отличными отъ тѣхъ, которыя дѣйствовали на финновъ. Цивилизація этихъ поселенцевъ тоже не ставила особенно рѣзкихъ отличій ни между ихъ различными отраслями, ни между ними и финнами.

Итакъ мы имѣемъ для разсматриваемаго края именно тѣ условія, которыя, какъ выше видѣли, облегчаютъ рѣшеніе антропологическихъ вопросовъ. Разнообразіе развитія анатомическихъ формъ, истекающее отъ разнообразія природныхъ и культурныхъ вліяній, здѣсь не могло быть весьма значительно во все продолженіе жизни туземцевъ финновъ и поселенцевъ славянъ въ этомъ краѣ. Когда же культура страны выказала

успѣхи и могла имѣть измѣняющее вліяніе на типы, то для обоихъ племень *одинаково* настала уже періодъ государственной жизни и измѣненія, происшедшія въ анатомическихъ типахъ, могутъ быть приняты за одинаковыя, слѣдовательно отношеніе племенныхъ типовъ славянъ и финновъ едва ли могло измѣниться. Прямое наблюденіе имѣетъ предъ собою матеріаль, который, съ достаточно вѣроятностью, можетъ быть отнесенъ къ двумъ расамъ— арійской и финской, при устраненіи разнообразнаго вліянія природы и культуры, и кромѣ того, имѣетъ предъ собою мѣстность (большинство Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ), населенную *только одною* изъ этихъ расъ.

Жалко было бы не воспользоваться столь удобными условіями для рѣшенія вопросовъ, важность которыхъ какъ для науки вообще, такъ и для русской исторической этнологіи, весьма не мала. Мнѣ кажется, что есть возможность собрать хотя нѣкоторый предварительный матеріаль для этого средствами самого края. Они заключаются въ уѣздныхъ врачахъ и фельдшерахъ, въ учителяхъ уѣздныхъ училищъ и, въ нѣкоторой степени, въ духовныхъ лицахъ.

Исходною точкою должно быть собраніе возможно обширнѣйшаго и всевозможно точнаго антропологическаго матеріала между зырянами Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ, въ семьяхъ, гдѣ можно предполагать наименьшую вѣроятность смѣси. Антропологическое отдѣленіе московскаго общества любителей естествознанія издало въ 1865 г. прекрасныя „Общія инструкціи для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій“ Брокъ въ русскомъ переводѣ и съ небольшими дополненіями.

(Инструкціи Брокъ имѣли и имѣютъ очень большое значеніе для антропологіи, но теперь послѣ международныхъ конгрессовъ въ Монако (1906 г.) и Женевѣ (1912 г.), на которыхъ были выработаны и приняты международныя соглашенія, слѣдуетъ руководствоваться только ими. На русскомъ языкѣ соглашенія изданы „Рус. Антропологическимъ Обществомъ при Петроградскомъ Университетѣ“ въ 1913 г. (Ежегодникъ Рус. Антр. Общ. т. IV) и отдѣльная книжка „Международныя соглашенія для объединенія антропологическихъ измѣреній“. Цѣна 50 коп. Д. 3.)

Имѣя въ рукахъ эти инструкціи, каждый учитель уѣзднаго училища и каждый сколько нибудь образованный священникъ можетъ, для даннаго субъекта, пополнять всѣ тѣ рубрики записнаго листка и систематической схемы, приложенныхъ къ инструкціи, которыя требуютъ лишь внѣшнихъ измѣреній тѣла. Конечно, нельзя ожидать, чтобы изслѣдователи обладали точными инструментами для антропологическихъ измѣреній, но и приблизительныя величины были бы здѣсь уже важны, если изслѣдователи каждый разъ отмѣчали бы на записныхъ листкахъ, какія средства были ими употреблены для измѣренія. Антропологическій матеріаль, подобнымъ образомъ полученный, могъ бы быть весьма значителенъ.

Но, конечно, всего важнѣе въ этихъ случаяхъ вскрытія, измѣренія череповъ и мозговъ. Изъ субъектовъ, умирающихъ въ уѣздныхъ больницахъ сѣверныхъ уѣздовъ, вѣроятно многіе принадлежатъ къ зырянамъ, въ чистотѣ происхожденія которыхъ трудно сомнѣваться. Уѣздные медики могли бы оказать весьма немаловажную услугу наукѣ, если-бы они, обращая вниманіе на этихъ субъектовъ, подвергли ихъ, по смерти, тщательному анатомическому изслѣдованію, составляли подробныя антропологическія описанія и особенно подвергали мозгъ субъектовъ взвѣшиванію. Къ даннымъ, полученнымъ такимъ образомъ на мѣстѣ, могли бы быть присоединены результаты описаній живыхъ субъектовъ и вскрытій труповъ, получаемыхъ въ Вологдѣ, въ больницѣ, гдѣ скопляются рекруты со всѣхъ уѣздовъ, при чемъ ихъ происхожденіе можетъ быть точно опредѣлено. Результаты, полученные однимъ этимъ путемъ, могли бы уже дать возможность получить весьма важные выводы.

Что касается до самой важной части тѣла въ антропологическомъ отношеніи, при современномъ состояніи антропологии, именно до череповъ и скелетовъ головъ вообще, то ничто не мѣшаетъ подвергать ихъ тщательному измѣренію при пособіи усовершенствованныхъ приборовъ въ самой Вологдѣ.

(Для изслѣдованія населенія важнѣе не только черепъ, но и другія части скелета, особенно длинныя кости, по которымъ представляется возможнымъ вычислить ростъ. По этому при раскопкахъ одинаково необходимо брать всѣ кости, а не только черепъ, какъ часто дѣлается.

Д. 3.).

Вѣроятно, между лицами, принадлежащими къ учебному персоналу Вологодской гимназіи и Вологодской семинаріи, между врачами, а также между образованнымъ классомъ Вологды найдется нѣсколько лицъ, интересующихся наукою, которая вызвала въ наше время въ цѣлой Европѣ самую любопытную изслѣдованія и многочисленныя общества. Эти лица могли бы составить центральный антропологическій комитетъ, куда бы стекались записные листки изъ уѣздовъ, присылались бы черепа, костяки вообще, а впоследствии можетъ быть и болѣе нѣжные препараты. Полагаю, что нашлись бы средства и для выписки въ Вологду главнѣйшихъ приборовъ для антропологическихъ и въ особенности краніологическихъ измѣреній. Такимъ образомъ можно бы доставить русской наукѣ весьма важный матеріалъ, при чемъ отъ лицъ, какъ собирающихъ первоначальныя свѣдѣнія, такъ и резюмирующихъ ихъ или производящихъ измѣренія по данной инструкціи, никакой особенной учености не требуется.

(Слѣдуетъ указать, что теперь къ занимающимся антропологическими измѣреніями предъявляются значительно большія требованія. Мало имѣть подъ руками инструкцію, какъ указывалъ П. Л. Лавровъ. Женевскій конгрессъ „особенно настойчиво рекомендуетъ лицамъ, желающимъ заниматься антропометріей, не ограничиваться

однимъ только теоретическимъ изученіемъ приемовъ измѣреній, но и обучитья имъ практически въ которой нибудь изъ лабораторій, идѣ они преподаются.

Д. 3.)

Нужно лишь настолько образованности, чтобы понимать инструкцію и нѣсколько интересоваться вопросами науки; нужно лишь настолько любви къ успѣхамъ нашего отечества, чтобы не поскучать, дѣлая точныя измѣренія и записывая ихъ. Неужели нельзя ожидать столь немногаго отъ лицъ, принадлежащихъ къ цивилизованнымъ классамъ Россіи и много разъ заявлявшихъ свой горячій патріотизмъ?

Собравъ достаточный антропологическій матеріалъ изъ среды живого населенія зырянъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, можно будетъ получить среднюю величину для всѣхъ данныхъ относительно современнаго зырянскаго типа и эта данная можетъ быть точкою исхода для трехъ различныхъ антропологическихъ изслѣдованій.

1. Раскопки въ мѣстностяхъ, исключительно населенныхъ зырянами или другими финскими племенами, близкими къ нимъ, могутъ дать возможность судить объ измѣненіяхъ финскаго типа во времени. Конечно, при этомъ должно весьма тщательно опредѣлить условія, въ которыхъ находились откапываемыя кости, древность кладбища, вѣроятность находенія здѣсь славянскаго поселенія и т. п. Раскопки въ мѣстностяхъ смѣшаннаго населенія (напр. черепъ, вырытый на соборной горѣ, въ г. Вологдѣ, и представленный на московскую выставку) не имѣютъ пока никакого научнаго значенія.

2. Сравнивая среднія величины, полученныя для антропологическаго типа зырянъ, съ величинами, полученными при собраніи подобнаго же матеріала въ южныхъ уѣздахъ губерніи, можно точнымъ образомъ опредѣлить: насколько типъ новгородскихъ и суздальско-московскихъ поселенцевъ отличался отъ финскаго типа? есть ли въ этомъ случаѣ замѣтная разница между населеніемъ болѣе близкимъ къ Новгороду, откуда шли древнѣйшіе и *навѣрно* славянскіе поселенцы, и населеніемъ болѣе близкимъ къ Костромѣ и Ярославлю, откуда должны были двигаться суздальско-московскіе поселенцы? Правильное и тщательное сравненіе данныхъ этимъ путемъ можетъ повести къ болѣе точному указанію антропологическихъ отличій славянскаго племени отъ финскаго и къ болѣе правильной постановкѣ вопроса объ этническомъ составѣ великорусскаго племени, чѣмъ все до сихъ поръ сдѣланное въ наукѣ. Сравнивая данныя, полученныя для Вологодской губерніи, съ данными, подобнымъ же образомъ собранными для губерній малороссійскихъ, великороссійскихъ, особенно же для Новгородской, можно будетъ получить довольно прочныя основанія для того, чтобы судить о доисторическомъ разселеніи славянскихъ племенъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, о ихъ колонизаціи среди финскихъ туземцевъ, о количествѣ примѣси монгольскаго племени въ Россіи и т. п. Все это есть ни

болѣе ни менѣе, какъ *доставленіе прочной этнологической основы для исторіи нашего отечества.*

3. Сравнивая зырянскій типъ съ западно-европейскимъ, можно узнать степень антропологическаго измѣненія въ финскомъ племени при разселеніи его, и это дастъ возможность заключить о томъ, насколько финскіе и монгольскіе элементы участвовали въ составѣ пермскаго и западно-сибирскаго населенія. Впрочемъ объ этомъ я говорю только попутно, такъ какъ эти изслѣдованія выходятъ уже вполне за предѣлы Вологодской губерніи.

Мнѣ могутъ возразить: неужели одна Вологодская губернія представляетъ подобныя удобства для антропологическихъ изслѣдованій? Признаюсь, что не считаю своихъ свѣдѣній достаточными для отвѣта на этотъ вопросъ и не имѣю подъ руками всего матеріала, нужнаго для подробнаго отвѣта на него. Приблизительно же могу сказать, что едва ли многія мѣстности могутъ пользоваться подобнымъ удобствомъ. Сѣвернѣе мы получаемъ уже примѣсь племени, которое или совсѣмъ иное, или переродилось подъ вліяніемъ природы и культуры, именно племени инородцевъ сѣверной окраины, изъ которыхъ, помнится, Бари де Сенъ-Венсанъ (Bary de St.-Vincent) создалъ особую *полярную* расу людей. Восточнѣе мы имѣемъ вѣроятность болѣе или менѣе значительной примѣси монгольской расы. Южнѣе—мы встрѣчаемся съ великорусскимъ племенемъ, составъ котораго именно предстоитъ опредѣлить. Кромѣ того, приближаясь къ степямъ южной Россіи, мы уже въ предѣлахъ той широкой полосы, чрезъ которую двигались разнообразныя племена въ эпоху переселеній народовъ. Нѣсколько западнѣе финское племя находилось уже подъ вліяніемъ не только славянскаго, но и скандинавскаго. Къ юго-западу имѣемъ примѣсь литовцевъ, мѣсто распространенія готовъ въ предѣлахъ историческаго времени, смѣшанное племя бѣлоруссовъ. За предѣлами же нашего отечества смѣсь славянъ, нѣмцевъ, скандинавовъ (если разсматривать ихъ особо), кельтовъ, латинцевъ, мадьяровъ и т. д. такъ значительна, что едва ли кромѣ басковъ и бретонцевъ, можно найти какой-нибудь уголокъ, гдѣ споры ученыхъ о происхожденіи и составѣ нынѣшняго населенія имѣли бы какое нибудь твердое антропологическое основаніе. Такъ, матеріалы для антропологии народовъ, живущихъ въ предѣлахъ австрійской имперіи, весьма тщательно собранные Вейсбахомъ („Archiv für Anthropologie“, 1867, стр. 191 и слѣд.; 285 и слѣд.) имѣютъ весьма сомнительную цѣну, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ онъ различалъ *чистыхъ* потомковъ нѣмцевъ, славянъ, румынъ, мадьяровъ отъ онѣмчившихся и омадьярившихся славянъ, отъ ослѣвянившихся нѣмцевъ, отъ продуктовъ крайне смѣшаннаго происхожденія по женской линіи и т. п. Едва ли Вейсбахъ и могъ имѣть какія либо средства для подобнаго различенія. Поэтому нынѣшнимъ даннымъ для племенныхъ типовъ весьма трудно довѣрять, и анатомическое различеніе племенъ весьма шатко. Лингвистамъ оказывается во всѣхъ этихъ случаяхъ гораздо болѣе работы, чѣмъ естествоиспытателямъ. Воло-

годская губернія, мнѣ кажется, поставленною въ этомъ случаѣ въ исключительно выгодныя условія и не только наука нашей отечественной исторіи, но общечеловѣческая наука о человѣкѣ можетъ ожидать важныхъ пріобрѣтеній отъ антропологическихъ изслѣдованій, тщательно и правильно веденныхъ въ этомъ краѣ.

Мнѣ было бы весьма пріятно, если бы эти случайныя замѣтки обратили на себя вниманіе образованныхъ читателей Вологодской губерніи и послужили поводомъ къ собранію матеріаловъ, по моему убѣжденію, довольно важныхъ какъ для Россіи, такъ и для науки вообще.

Петръ Лавровъ.

Г. Вологда, 1 октября 1868 г.

